

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ И ЕГО ПРИСУТСТВИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» альманаха «Гостинный Двор». Живёт в Воронеже.

*Каждое слово его
как звенящая медь,
Каждое слово сбьлось
или сбудется впредь.*

Юрий Кузнецов. Из поэмы «Рай».

Поэзия Юрия Кузнецова распространяет своё влияние на самые разные сферы душевной и интеллектуальной жизни современного русского человека. Оставим в стороне то печальное обстоятельство, что сегодня человек этот в массе своей находится далеко не в лучшей духовной форме, однако всякий, кто обращает взор в поле литературы, уже является потенциальным сторонником или противником особого «кузнецовского» угла творческого зрения, яркой образности поэта и способа изображения им пространства, времени и истории.

До Кузнецова события, происходившие в мире, практически всегда описывались в отечественной литературе как находящиеся

в контексте зримой реальности наличного земного бытия — исключая, быть может, визионерские стихи Пушкина и Лермонтова в XIX веке. А в XX столетии разве что у Даниила Андреева можно встретить отражённую в некий фантастический окоём канву событий. Тогда как преобладающим художественным «правилом», методом было обращение к осязаемому миру, к сфере узнаваемых чувств, к движению мысли, сопрягающей пусть порой и далёкие предметы, но всё-таки укоренённой в земном существовании людей или обращённой к их зеркальному отображению в пространстве инобытия.

Юрий Кузнецов впервые соединил в одном поэтическом повествовании мифологические фигуры — и придающую им объёмность подлинности, поразительную достоверность знакомых вещей и узнаваемых действий. И так остающегося «за кадром» читателя вплотную подвёл к героям фантазмагорическим, в портретном отношении невиданным.

Невероятные как будто коллизии многих его сюжетов непостижимым образом замыкаются на нашу корявую и искажённую действительность, снимая с неё наложения грязи и лжи. Его творчество представляет нам не действующих в тех или иных обстоятельствах персонажей, не знакомые формы обыденности в сонме привычных вещей — но само содержание происходящего

с Россией сегодня. Эта картина дана поэтом парадоксально и точно, она часто отталкивает своей непривычностью очередного читателя — соглядатая истории Руси на рубеже тысячелетий.

«Русское Ничто», «Федора» и другие персонажи поэтических видений Юрия Кузнецова западают в сознание и остаются в нём в качестве объёмных имён и участников самых разнообразных видимых драм — не напрямую, а в виде некоей метафизической подсветки художественного «протокола» случившегося. Такая роль поэта — со зрением, способным проникать толщу времён и плотную массу материи, которую мы в совокупности называем «современностью» или «историей», — для русской литературы во многом нова. В европейской традиции подобного склада художником был Данте, хотя и с некоторыми оговорками, которые касаются первичности воплощённых им образов, начало которых — в ранних христианских представлениях о загробном бытии.

Похожая часть художественного мира Кузнецова была воссоздана им в цикле поэм о Христе, где с поразительным мастерством и органичностью было преодолено искушение иллюстративности — в пользу живого сюжета, естественного перетекания мизансцен из одной в другую и постепенного наращивания грандиозного содержания. Того главного содержания, что не отодвигает читателя

на почтительную дистанцию — но делает его свидетелем запредельной для человеческого понимания истории.

Обращаясь к русскому мифу, Юрий Кузнецов обозначил его как краеугольный камень, лежащий в основании всего ныне существующего мира. Именно потому завершающим периодом его творческой биографии стало обращение к евангельским сюжетам. Соединяя кровное и евангельское, он замыкал круг, в котором присутствует человек — выбирающий борьбу или согласие со своей судьбой.

Поэтический язык Кузнецова со временем обрёл удивительную ёмкость и точность — те несомненные признаки художественной зрелости, когда даже мелкие подробности лирического рассказа становятся значимыми и помещёнными в единственно возможное место повествования. Эта литературная и метафизическая «многослойность» его письма свидетельствует о некоей высочайшей художественной пунктуальности,

которая находится в координации с невидимым простому глазу устройством мира.

Юрий Кузнецов — русский человек, смевший заглянуть в грозные глубины жизни, оставшись при этом частью нашего пространства, полного прозаических забот и мелкой суеты. Хотя он всегда казался странным пришельцем в отечественной литературе последней трети минувшего века.

Его роль в поэзии будущих десятилетий не так давно виделась магистральной, задающей тон разным поискам новых творцов. Сбудется ли это, покажет время. Но несомненно главное: Кузнецов останется вечным свидетельством поистине безграничных возможностей отечественной литературы в постижении смысла бытия и сокровенной задачи родной земли, останется высоким примером творческого мужества и интеллектуальной последовательности на том пути, который — по наитию или по воле Божьей — выбирает подлинно русский художник слова.